

В. Ф.
ОДОЕВСКИЙ

Избранное

Владимир Одоевский
Живописец

«Public Domain»

1839

Одоевский В. Ф.

Живописец / В. Ф. Одоевский — «Public Domain», 1839

"– Хотите ли поклониться праху незнакомого вам, но замечательного человека? Пойдемте со мною. Вы слышали о Шуйском?.. – Никогда, – отвечал я, – но я готов идти с вами. – Так! Участь этого человека быть неизвестным; но по крайней мере он начнет жить после смерти; может быть, мне суждено быть его проводником к бессмертию. Неужели и вы не знаете, что мой бедный неизвестный Данила Петрович был, может быть, одним из первых живописцев нашего времени?.."

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Владимир Федорович Одоевский

Живописец

Из записок гробовщика

Однажды, когда я сидел у Мартына Григорыча, вошел мастеровой:

– Пришли от Данила Петровича.

– Зачем? – спросил хозяин.

– Да за гробом.

– Кто у них умер, уж не жена ли?

– Нет, Данила Петрович сам изволил скончаться...

Мартын Григорыч всплеснул руками:

– Может ли это быть? Бедный! Давно ли мы с ним виделись?.. Такой талант! Такое сердце!

– Проят дощатого гроба подешевле, а у нас такого нет, – прервал его хладнокровно работник.

– Неси какой есть готовый, не твое дело... Бедный, бедный Данила Петрович!.. – С этими словами он взял шляпу и сказал мне: – Хотите ли поклониться праху незнакомого вам, но замечательного человека? Пойдемте со мною. Вы слышали о Шуйском?..

– Никогда, – отвечал я, – но я готов идти с вами.

– Так! Участь этого человека быть неизвестным; но по крайней мере он начнет жить после смерти; может быть, мне суждено быть его проводником к бессмертию. Неужели и вы не знаете, что мой бедный неизвестный Данила Петрович был, может быть, одним из первых живописцев нашего времени?..

– Я никогда не видал ни одной его картины...

– Не мудрено, потому что у него не было ни одной законченной; но пойдем в его мастерскую, и вы уверитесь, что я говорю правду. Я недавно с ним познакомился; он был очень, очень беден, но все, что скрывалось в его голове, все, что нечаянно он бросил на полотно нетерпеливою кистью, того я вам пересказать не сумею... Вы сами увидите...

Мы вошли. Грустно было смотреть на мастерскую бедного художника. Бледный труп его лежал на простых досках; на лице его еще остались следы внутреннего, недавно погасшего огня; черные волосы лентами струились с прекрасно образованной головы; но все было искажено, запятнано смертью; его покрывало едва держащееся рубище; вокруг были разбросанные краски, палитра, кисти; на огромной раме натянутое полотно; оно невольно приковало мое внимание; но на холсте не было картины, или лучше сказать, на нем были сотни картин; можно было различить некоторые подробности, начертанные верною, живою кистью, но ничего целого, ничего понятного. От нетерпения ли художника, от недостатка ли в холсте, но видно было, что он рисовал одну картину на другой; полустертая голова фавна выглядывала из-за готической церкви; на теньеровском костюме¹, набросана фигура мадонны; сметливый глаз русского крестьянина был рядом с египетскою пирамидою; водопады, домашняя утварь, дикие взоры сражающихся, цветы, кони, атласные мантии, уличные сцены, кедры, греческие профили, карикатуры – все это было перемешано между собою на различных планах, в различных колоритах, и углем, и мелом, и красками, – и ни в чем не только нельзя было угадать мысли художника, но с большим трудом можно даже было уловить какую-либо подробность.

¹ ...теньеровском костюме... – Теньер (Тенирс) Давид Младший (1610–1690) – фламандский художник.

Стены, окна мастерской, палитра, мебели были испещрены точно такими же очерками... других картин не было. Наши изыскания были прерваны разговором в ближней комнате, сперва тихим, но потом мало-помалу возвышавшимся...

– Ах, не говорите, матушка, – повторял один женский голос, рыдая, – я, я убила его!..

– Полно, полно! Что с тобой? – отвечал другой, женский же голос. – Что ты на себя клеплешь! Полно, полно горевать. Еще молода, мать моя, – другого мужа найдешь.

– Нет, не нажить мне моего Данила Петровича!

– Полно, говорят тебе, слезами не поможешь, да я что правду сказать: счастлива, что ли, ты с ним была? В довольстве, что ли? Что в нем пути-то было?..

Вдова не слушала, а только, повторяла свое:

– Я убила его; он сам говорил, сердечный: ты убьешь меня... Я точно убила его!..

А та отвечала:

– Полно на себя клепать! он просто занемог, да и умер...

Эта сцена продолжалась довольно долго: жалобы с одной стороны, утешения с другой; наконец последние превозмогли; казалось, рассуждения собеседницы утешили вдову, по крайней мере она успокоилась. Мой товарищ хотел навеститься к ней; но дверь отворилась, и от вдовы вышла женщина пожилых лет, в крепко накрахмаленном чепце, с веселым и добродушным видом.

– Ах, это ты, куманек! Добро пожаловать; а что, ты к ней, что ли? Ну, уж лучше не ходи, – пусть ее наплачется досыта; авось-либо, Бог милостив, поплачет, поплачет, да и перестанет; а денька через два-три как рукой снимет. Помоги-ка мне лучше отдать последний долг покойному. Сердечный! Сердечный! – прибавила она, посмотря на бледное, искаженное страданиями лицо молодого художника. – Не умел жить на сем свете. А это кто, батюшка? – продолжала она, взглянув на меня с любопытною улыбкою, которая не мешала ей отирать слезы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.